

может проявляться и на уровне грамматики. Аббревиатуры во внутригородских названиях (улица КИМ) возникают как следствие активного употребления аббревиатур носителями языка в революционную эпоху.

В заключение отметим, что в урбанонимии фиксируется отношение этноса к пространству, человеку и времени. Общим для русского и белорусского этносов оказывается весьма ограниченное использование наименований промежутков времени для образования внутригородских названий. Несмотря на то, что основной корпус современных урбанонимов Смоленской и Витебской областей сформировался в Советскую эпоху, внутригородские названия данных регионов отличаются этническим своеобразием, в том числе, и в отношении восприятия времени. Для современной смоленской урбанонимии более характерны названия, образованные от религиозных праздников, дат освобождения населенных пунктов во время Великой Отечественной войны, юбилеев, связанных с событиями советской истории. Для витебской отличительными особенностями в отражении времени во внутригородском пространстве является использование в качестве источников номинации народных и новых государственных праздников, юбилеев, и памятных дат, связанных с событиями национальной истории.

Литература

1. Мезенка, Г.М. Віцебшчына ў назвах вуліц: манаграфія: у 2 ч. / Г.М. Мезенка. - Віцебск, 2008. – 363 с. + 254 с.
2. Сизова, Е.А. Урбаноним как темпоральный ономастический символ / Е.А. Сизова // http://www.pglu.ru/lib/publications/University_Reading/2010/VI/uch_2010_VI_00018.pdf

О.В. Шеверина (Витебский государственный университет имени П.М. Машерова)

АНТРОПОНИМИЧЕСКАЯ СИСТЕМА ПРОИЗВЕДЕНИЙ В.П. АСТАФЬЕВА КАК ОТРАЖЕНИЕ ГЕНДЕРНОЙ СПЕЦИФИКИ ОБЩЕСТВА

Понятие «гендер», то есть совокупность представлений о том, какие социокультурные особенности характеризуют мужчин и женщин в обществе, вошло в различные отрасли науки во второй половине XX века и повлекло за собой создание гендерной типизированности сознания человека. При этом способы и механизмы выявления этих особенностей, а также формирование и закрепление гендерной этнокультурной специфики в обществе вызвали огромный интерес ученых. Гендер как социокультурный конструкт стал объектом изучения разных дисциплин, в том числе и лингвистики.

Наиболее интересным объектом исследования в этом плане, на наш взгляд, является художественный дискурс, так как гендерный фактор в нем зачастую становится структурообразующей составляющей и непосредственно влияет на создание художественного образа. Анализ номинаций лиц в художественных произведениях дает возможность изучить языковое сознание носителей языка и тем самым получить представление о языковой картине мира, вследствие того, что номинации лиц, призванные отнести человека к биологическому полу, указывают в большей степени на его социальный статус и роль в обществе. Как пишет В.А. Маслова, «рассмотрение пола только как биологического явления объединяет и упрощает это категориальное понятие, ибо маскулинность (мужественность) и феминность (женственность) – это, с одной стороны, филогенетически обусловленные свойства психики, а с другой – социокультурные образования, складывающиеся в онтогенезе ... Гендер – это социокультурная категория» [4;131].

Различным аспектам номинации лиц посвящены работы Ю.Д. Апресяна, Н.Д. Арутюновой, В.В. Виноградова, О. Есперсена, Е.Н. Шмелевой и мн. др., а гендерные исследования в области лингвистики проводились такими учеными, как Е.И. Горошко, Е.А. Здравомысловой, О.Л. Каменской, И.И. Халеевой и др., однако работы, в которых рассматриваются непо-

средственно имена собственные с позиции категории гендера практически отсутствуют, чем и объясняется актуальность проводимого нами исследования.

В данной статье выявляются гендерные особенности антропонимной системы произведений В.П. Астафьева. В ней воплощаются авторские замыслы, характеризуются герои, определяются социосемiotические факторы реальности, вызывающие и обуславливающие возникновение определенной гендерной маркированности анализируемых номинаций. Тематика произведений В.П. Астафьева отражает определенные исторические периоды (довоенное время, война, строительство социализма), быт (русская деревня, таежное поселение, колхоз), культуру носителей языка и наполнена поиском духовной природы и нравственной состоятельности человека. Фактический материал исследования был собран путем сплошной выборки из произведений данного автора. В результате нами проанализировано 949 лексических единиц, употребленных в свыше 12000 миниконтекстах (предложениях). Специфика объекта исследования предполагала использование описательного метода, основанного на наблюдении, обобщении и интерпретации описываемого фактического материала, элементов функционально-стилистического метода и семантического анализа.

Основные особенности в гендерной оппозицией «мужчина – женщина» в антропонимной системе произведений В.П. Астафьева были нами выявлены на морфологическом, лексическом и синтаксическом уровнях языка.

Анализ имен собственных на морфологическом уровне базировался на грамматической категории рода и представленности сложившейся в русском языке трехименной антропонимической системы. Соотнесенность имени с тем или иным родом мы считаем культурнообусловленной, так как, по мнению В.В. Виноградова, «категория рода в индоевропейских языках не является палеонтологическим отложением отживших языковых идеологий» [3;78], т.е. представляет собой языковую репрезентацию действительности и, следовательно, несет богатый информативный потенциал. Антропонимы распределяются в языке между мужским и женским родом, как известно, в зависимости от того, к какому биологическому полу принадлежит именуемый субъект, а также в большинстве случаев выражены грамматически, что дает нам возможность однозначно определить род анализируемого антропонима.

Проведенный нами статистический анализ выявил эксплицитную асимметрию в оппозиции «мужчина – женщина»: антропонимы мужского рода составили 70% исследуемого материала. Были выявлены несколько случаев употребления имен собственных, когда их принадлежность к женскому или мужскому роду возможна лишь по смыслу и в сочетании с различными частями речи: *Паша: Мадам Пестерева, читающая в институте классическую русскую литературу, приспособила Пашу в домработницы* [1]; *Зинка: Отец, отец, гляди-ка, Зинка-то пошел!* [2]. Данное явление, на наш взгляд, носит неслучайный характер и мотивировано сложившимися в обществе стереотипами именования: в первом случае женщина в произведении «носит» мужское имя из-за мужского телосложения, волевого характера и т.д.: *Очень и очень хотела Паша Силакова стать ученой, не спала ночами, тупела от наук и городской культуры, смекнула своим деревенским, многоопытным мужицким умом, как достичь цели ...* [1]; а во втором случае мы сталкиваемся с героем, который именуется «Зиновий», но «среди своих» зовется «Зинка», так как он обладает чертами характера, которые присущи женщине и могут быть объединены одним общим понятием «слабость»: *Молчком и накрепко влюбился в нее Зинка Птахин, незаметный и, как считала Клара, самый бросовый парень в техникуме* [2]. Нарушение равновесия в вышеназванной оппозиции проявляется и в количественной представленности сложившейся трехименной антропонимической системы в языке. К героям мужского пола чаще всего обращаются в произведениях В.П. Астафьева по фамилиям, именам, имени и фамилии,

прозвищам (30%-29%-17%-13% соответственно), а к героям женского пола по имени, имени и фамилии, имени и отчеству (42%-13%-12%). Такая асимметричность в частотности употребления антропонимов в структурировании рассматриваемой парной гендерной категории «мужчина – женщина» связана непосредственно с различной значимостью следующих социосемиотических параметров: степень родства, возраст субъекта, временный или постоянный социальный статус, а также тематикой самого произведения, которая отражает реалии и ценности общества.

Интересные в гендерном аспекте данные дает и семантический анализ антропонимов, поскольку отражает явления внеязыковой действительности, которая существует в сознании носителей языка. Так, в произведениях мы встречаем множество реальных имен собственных, так называемых реалионимов: *Бальзак, Брежнев, Кампанелла, Тургенев, Фридрих Энгельс и т.д.* Все эти имена принадлежат людям, которые внесли определенный вклад в ту или иную сферу человеческого бытия, и принадлежат к общемировым персоналиям. Однако в персонимосфере, созданной В.П. Астафьевым в анализируемых нами произведениях, мы встретили только одну персоналию женского пола, которая принадлежит к области словесного искусства: *Ахмадулина*, что может свидетельствовать об отражении явлений и событий историко-культурного процесса временного периода творчества автора, т.е. отсутствие женщин в политике, науке, администрации, искусстве, а также концепта «мужчина – создатель, творец». Таким образом, мы видим неравноценность представленности «контрагентов» в нашей оппозиции.

Еще одной гендерной особенностью антропонимической системы, созданной писателем в его произведениях, с позиций рассматриваемого нами аспекта, является множество номинаций персонажей женского пола на основе ассоциативных связей с мужским: *Васконяниха* / муж Васконян, *Сидориха* / прозвище мужа Сидор и т.д. По мнению В.Н. Телии, такие ассоциативные связи лежат в основе вторичных номинаций и, на наш взгляд, могут раскрыть их гендерную сущность. В данном случае проявление гендерного фактора мы связываем с различной социальной значимостью составляющих нашей аппозиции, которая сформировала образ «мужчины» как хозяина, главы дома, за кем остается решающее слово, а «женщины» – в первую очередь как матери.

Характеризуя антропонимы на синтаксическом уровне, следует отметить частое употребление с именем собственным различного в семантическом отношении вида приложений, которые могут находиться как в препозиции: *протопоп Аввакум, бабушка Екатерина Петровна*, так и в постпозиции относительно его, что придает высказыванию, как правило, разговорный просторечный оттенок: *Анька-повариха, Геркагорный и т.д.*, и используется автором в качестве стилистического приема, а именно сближения происходящих событий в произведениях с реальностью существующего мира. Проявление асимметрии в гендерном плане четко прослеживается в постпозиции приложения в сторону первой позиции «мужчина» и в парадигматической номинации. Именования мужского рода актуализированы в следующих группах: а) номинация по полу – *Федорушка-мужик*; б) номинация по моральным качествам – *Санька-злодей*; в) номинация по особенностям внешности – *Борька Клин-голова*; г) номинация по национальной принадлежности – *Ефим-хохол*; д) номинация по умственным способностям – *Иван-болван*; е) номинация по происхождению – *Генка-горный*; ж) номинация по роду деятельности/профессии – *Адам-работник*. Имена женского рода представлены в номинациях: а) по роду деятельности/профессии – *Анька-повариха*; б) по моральным качествам – *Михрютка-лява*; и в) по поссесивному признаку – *Нюра сидоровская*.

Таким образом, представленные данные свидетельствуют о том, что установленная нами гендерная асимметрия персонажей, выражаемая через имена собственные, определена социосемиотической реальностью, которая резко разграничивает феминность и маскулинность. Мужские и женские антропонимы противопоставляются друг

другу как в количественном (преобладание мужского начала), так и в качественном плане (положительная и отрицательная оценка). Из чего следует, что мужчина предстает в культуре более социально активным человеком, который может заниматься любыми видами деятельности и оказывается достаточно свободным в проявлении своих личностных свойств и намерений.

Литература

1. Астафьев, В.П. Собрание сочинений: в 15 т. / В.П. Астафьев. – Красноярск: ПИК «Офсет», 1997. – Т. 9: Произведения 1980-х годов. Печальный детектив: роман. Рассказы. – 448 с.
2. Астафьев, В.П. Собрание сочинений: в 15 т. / В.П. Астафьев. – Красноярск: ПИК «Офсет», 1997. – Т. 1 : Рассказы. Тают снега: роман. – 608 с.
3. Виноградов, В.В. Русский язык: Грамматическое учение о слове / В.В. Виноградов. – М. - Л., 1972. – 601 с.
4. Маслова, В.А. Внешность женщины в русском языковом сознании: гендерный аспект // Гендерная лингвистика: коллективная монография. – Павлодар, 2013. – С. 130-146

С.А. Янковская (Гродненский государственный университет имени Я. Купалы)

NOMINA LOCİ С ЧАСТНЫМ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫМ ЗНАЧЕНИЕМ 'ТАМ, ГДЕ НАХОДИТСЯ (НАХОДИЛОСЬ) ТО, ЧТО НАЗВАНО ПРОИЗВОДЯЩЕЙ ОСНОВОЙ' В РУССКИХ НАРОДНЫХ ГОВОРАХ

Пространство и время – важнейшие концепты культуры, интерпретируемые как «система координат», при помощи которых люди, принадлежащие к различным культурам, воспринимают мир и воссоздают его. В исследовании этих концептов выделяется ряд подходов: философский, математический, физический, культурологический, лингвистический и др.

Большое количество работ, посвященных изучению функционально-семантического поля локативности, приводит к появлению множества аспектов его изучения. Так, например, все типы пространственных значений, выражающихся в языке с помощью лексико-грамматических средств, А.Т. Додуева разбивает на две основные группы: «а) с общим значением направления действия-движения в пространстве и б) с общим значением местоположения предмета или распространения действия-движения в определенной точке пространства» [2, с. 9].

Изучением пространственных отношения занималась и Г.В. Белякова. Среди частных словообразовательных значений локативных субстантивов в современном русском литературном языке она отметила значение *'там, где находится (находилось) то, что названо производящей основой'* (амбарище 'место, где раньше был амбар', булавочник 'коробочка или подушечка для хранения булавок') [1, с. 53-54], которое широко представлено и в языке русских народных говоров.

В диалектном словообразовании наблюдается семантическое расхождение единиц в отношении к современному русскому литературному языку. К примеру, производная единица с семантикой локативности в современном русском литературном языке в русских народных говорах может иметь и другое значение и к числу локативов не относиться. Сравните, например, локатив современного русского литературного языка *больница* 'Учреждение, в которое помещают больных для лечения' [6] и тождественную по внешней структуре номинацию *больница* в диалектном словообразовании, внутреннее содержание которой не выражает семантику локативности (*больница* 'Кольцо, которое продевают сквозь губу медведя для прикрепления цепи'. Нижегород. [5, т. 3, с. 86]).

Эта же особенность характерна и для других единиц русских народных говоров, сравните: локатив СРЛЯ *задачник* 'Сборник задач' [4] и идентичную по внешней форме единицу в русских народных говорах *задачник* 'О том, что удалось, задалось, хорошо,